

Глава 78. Громовая кара

Снаружи обители Десяти Сторон небо полыхало фейерверками.

Вся область Цянькунь была разукрашена фонарями так ярко, будто стоял день; смех и шум с улиц доносились до каждого уголка, и повсюду царило оживление.

А вот в Зале Небесных Тайн внутри обители Десяти Сторон было не менее шумно: спорили яростно, едва не сцепившись языками, и на этот раз под всеобщее осуждение угодил сам хозяин обители Десяти Сторон — даосский святой Цзян Чаньюань.

— Значит, можно вот так запросто убивать людей, потом отделаться одной фразой, что, мол, убитый сам был виноват, а теперь мы ещё должны уважительно величать его даосским святым, и всё это сойдёт ему с рук? — Ци Юанькунь первым вскочил на ноги и, ткнув пальцем Цзян Чаньюаню чуть ли не в лицо, разразился бранью. — Мне уже плевать на все твои сраные доказательства. Я хочу спросить у святого только одно: разве секта Лянъи не любит хвастаться, что она первая даосская секта под небесами и у неё правил больше всех? Там ведь есть одно: кто без причины убивает человека, тот должен принять три кары молнией. Я ведь ничего не перепутал? Ты намерен этому правилу подчиниться или нет?

Цзян Чаньюань в белых одеждах сидел во главе зала, изящный и учёный, будто благородный книжник.

Он чуть приподнял взгляд. Светлые глаза, когда он смотрел на людей, легко могли показаться отстранёнными и холодными, но на губах у него всегда играла лёгкая улыбка, располагавшая к нему.

— Намерен, — сказал он.

Похоже, Ци Юанькунь и сам не ожидал, что Цзян Чаньюань так просто согласится принять наказание, и на миг застыл.

Застыли и все остальные.

В обители Десяти Сторон внезапно воцарилась мёртвая тишина.

— Чаньюань! — в глазах Янь Цунси плескалась тревога. — Даже если нужно дать объяснение, разве обязательно доходить до такого?...

— До такого? Глава Янь, легко тебе говорить, — Ци Юанькунь презрительно скользнул по нему взглядом и усмехнулся. — Святой ведь ваш, из секты Лянъи. Что же, глава Янь хочет ради личной привязанности покрыть нарушение правил?

— Когда это я собирался покрывать нарушение правил? — гневно крикнул Янь Цунси.

— О, выходит, я ослышался. Тогда, значит, глава Янь просто... сердце не на месте? — Ци Юанькунь расхохотался ещё наглее. — Раз уж тебе так жаль святого, почему бы не принять кару вместе с ним?

Янь Цунси указал на него пальцем, скрипя зубами от ярости:

— Вместе так вместе. Когда это я, Янь Цунси, чего-то боялся?

— Прекрасно. Тогда и накажем, — Ци Юанькунь медленно опустился обратно на своё место. — День сегодня хороший. Может, прямо сегодня ночью? Всё-таки все с трудом собрались вместе. Упустим случай — и увидимся снова только в следующем году.

Вокруг стало совсем тихо.

Никто не смел заговорить в такую минуту. Люди только переглядывались, и лица у всех были мрачные.

Глава рода Линь из области Кайюнь, которого недавно Янь Цунси тоже заставил потерять лицо, невольно поднял бровь. Когда он просил Янь Цунси передать Кайюню духовную жилу рода Сун из Цзэяна, тот держался высокомерно и холодно. А теперь вдруг сам превратился в мокрую крысу, над которой открыто насмеваются, а ответить нечем.

На лице Цзян Чаньюаня всё ещё была улыбка. Он посмотрел на Янь Цунси:

— За проступок одного не нужно заставлять страдать других.

Он решительно поднялся и вышел из Зала Небесных Тайн. Прямо на глазах у всех глав родов, хозяев областей и глав бессмертных сект Предела Люхэ он встал перед залом и собственноручно сложил печать, призывая молнию.

Тяжёлые грозовые тучи в одно мгновение сгустились над обителью Десяти Сторон и медленно расползлись в стороны, так что фейерверки над областью Цянькунь на их фоне засияли ещё ярче.

В облаках то вспыхивали, то исчезали бледно-лиловые дуги молний. Они давили вниз слой за слоем, и даже Цзян Тан, находившийся далеко на вершине павильона Шаньхай, ощутил смутный гнёт.

На кончиках пальцев Фу Линцзюня тоже плясали бледно-лиловые искры, с тихим треском пробегаая по коже.

— Разумеется, даосский святой, чтобы сохранить лицо, сам попросит громовую кару, — не понять было, похвала это или насмешка.

Молнии на его пальцах быстро собрались в прекрасную громовую птицу. Она взмыла вверх, к тяжёлым тучам над обителью Десяти Сторон, которые всё шире растекались по небу.

Электрический свет и громовой свет переплелись, а затем слились в одну фиолетово-чёрную молнию, обрушившуюся прямо на святого у Зала Небесных Тайн.

На глазах у всех Цзян Чанъюань даже не попытался защитить тело духовной силой. Он лишь чуть запрокинул голову и раскинул руки, в лоб принимая этот удар.

Даже те культиваторы, что находились не в самой обители Десяти Сторон, услышали этот жуткий грохот и один за другим подняли головы в сторону грозовых туч.

— Что это там?

— Грозовые тучи? Кого-то из секты Лянъи наказывают?

— И кому же так не повезло... Кару молнией и врагу не пожелаешь.

У входа в Зал Небесных Тайн собралась толпа. Все здесь были культиваторами и прекрасно чувствовали, сколько силы скрыто в этих грозовых тучах. Раз Цзян Чанъюань сказал, что примет кару, то уж точно не станет отбивать её спустя рукава. После двух ударов на его белой одежде уже проступила кровь.

И всё же он держал спину прямо — так же прямо, как всегда держался в своей бессмертной, почти святой манере. Белые одежды колыхались на ветру, и под грозовыми тучами он сам походил на божество: величественное и непоколебимое.

Даже когда обрушился третий удар, он не издал ни звука, словно боль приходилась вовсе не по нему.

Только когда открыл глаза, в них на миг мелькнуло нечто неопределённое.

Подняв голову, он посмотрел на плотные грозовые тучи у себя над головой, нахмурился, а затем сложил печать обеими руками и рассеял молниеносную тень над небом.

— Чанъюань! — Янь Цунси бросился было вперёд, чтобы поддержать его, но Цзян Чанъюань лишь повёл рукой, отстраняя его.

— Ничего страшного, — сказал он.

После этого он обернулся и скользнул светлым взглядом по всем собравшимся, будто внимательно отмечая выражение каждого лица.

Наконец его глаза остановились на Ци Юанькуне — и почти сразу же ушли в сторону.

Он взмахнул рукавом, развернулся и ушёл.

А Цзян Тан слышал только три раската грома.

Третий прозвучал куда глуше двух предыдущих. Он понимал, что Фу Линцзюнь втайне что-то сделал, но не догадывался — что именно.

— Любопытно? — спросил Фу Линцзюнь.

Цзян Тан поспешно закивал.

Фу Линцзюнь сложил печать одной рукой. Длинные пальцы описали в воздухе круг, и перед ними тут же возникло водяное зеркало.

В зеркале появился... Ци Е.

— Почему он... — только начал Цзян Тан и сразу вспомнил.

Раньше, когда они столкнулись с Ци Е, Фу Линцзюнь нарочно задел его плечом, а потом Цзян Тан уловил едва заметный запах. Видимо, это и была оставленная Фу Линцзюнем метка — благодаря ей теперь и можно было наблюдать за Ци Е через водяное зеркало.

Ци Е всё шёл и шёл, опустив голову. Похоже, с мальчиками-служками в обители Десяти Сторон он не был особенно близок, и всё же мог свободно входить туда, где жил Цзян Чаньюань. Он шёл под луной, пока не остановился у двери в покои Цзян Чаньюаня, и тихо произнёс:

— Святой.

Изнутри долго не доносилось ни звука.

А потом Цзян Чаньюань, будто с силой сдерживая какую-то боль, глухо проговорил:

— Принёс?

Спрятанная в рукаве рука Ци Е медленно сжалась. Лицо у него было тяжёлым, словно делать такое ему вовсе не хотелось.

— Принёс, — почтительно ответил он.

Раздался скрип — дверь открылась. Внутри было кромешно темно, ни луча света.

— Входи.

— Слушаюсь.

Ци Е почтительно вошёл и закрыл за собой дверь.

Из-за темноты лицо его в водяном зеркале почти не было видно.

Он без колебаний подошёл к Цзян Чаньюаню, словно проделывал это уже далеко не впервые, достал из своей жемчужины Нахай несколько мешочков для запечатывания душ и подал их обеими руками.

Цзян Чаньюань недовольно скользнул взглядом по мешочкам у него на ладонях:

— Только это?

Ци Е тут же рухнул на колени и поспешно стал оправдываться:

— В последнее время больше найти не удалось. Этот слуга поторопит остальных, чтобы искали быстрее...

— Я ведь давно говорил, что старого хрыча Хуай Шоусиня надо было убрать. Видишь, к чему привело, если оставить его в живых? — внезапно Цзян Чаньюань заговорил совсем иным тоном и произнёс странную фразу.

Странность была в том, что сказано это было явно не для Ци Е.

Но в этой тёмной комнате, кроме Ци Е, вроде бы и не было никого, кто мог бы его услышать.

Очертания Цзян Чаньюаня в темноте расплывались, однако Цзян Тан всё равно различил на его лице совсем иное выражение, не похожее на привычное.

Обычно Цзян Чаньюань казался бессмертным в белом, словно спустившимся с небес. А сейчас в нём вдруг проступило что-то зловещее. Голос был всё тот же, но слушать его почему-то стало жутко.

Цзян Тан невольно втянул шею в плечи и придвинулся ближе к Фу Линцзюню.

Тот сразу же притянул его к себе:

— Страшно?

Цзян Тан кивнул:

— По нему сразу видно: злодей!

Вот прямо из тех, на кого в дораме при смене кадра ещё и потустороннюю музыку накладывают!

Фу Линцзюнь вдруг развеселился.

— А по мне не видно, что я злодей?

Цзян Тан: это он сейчас о чём? Главный злодей ещё и переживает, достаточно ли злодейски выглядит? У вас что, среди злодеев ещё и соревнование по выработке?

Поэтому он очень серьёзно принялся утешать Фу Линцзюня:

— По тебе тоже видно.

Но тут же добавил:

— Зато ты красивее.

Фу Линцзюнь рассмеялся. Серьёзность, с которой Цзян Тан это сказал, и вправду его развеселила.

Его ладонь лениво гладила Цзян Тана по плечу. Он вдруг ясно ощутил, что в этом мире и правда существует нечто совершенно особенное. Вначале тот его боялся — боялся крови, боялся того, как он убивает. Но потом почему-то уверовал, что он никогда не причинит ему вреда, и теперь так доверчиво жался к нему.

Прямо как тот маленький зверёк когда-то: беззаботный, глупенький, чистый. Испугается — свернётся в клубок. Перестанет бояться — снова медленно придвинется и выставит ему под руку мягкий живот.

Тем временем в водяном зеркале картина продолжалась.

Цзян Чаньюань выхватил мешочки для душ, раскрыл их — и серо-белые мстительные души, точно несколько нитей дыма, втянулись в него.

Цзян Чаньюань медленно запрокинул голову, и даже сквозь водяное зеркало Цзян Тан услышал, как хрустят кости.

А в следующий миг лицо его внезапно исказилось. В обычно спокойных светлых глазах выступили безумные красные прожилки.

— Что ты мне принёс?! — прорычал он.

Цзян Тан вздрогнул:

— Он... ест это?..

— Помнишь пропавших людей в Цэньнэне? — спросил Фу Линцзюнь.

Цзян Тан кивнул.

— Когда человек с чисто-иньской судьбой умирает, сила его души особенно чиста. А такая чистая сила — лучшая пища для внутреннего демона.

— Внутренний демон? — Цзян Тан знал, как устроены внутренние демоны в «Дао в заточении». В этом мире они есть у всех практиков Дао. Внутренний демон рождается из желаний: денег, страсти, родственных уз, власти... Стоит к чему-то слишком привязаться — и внутренний демон уже есть. Если не сумеешь отпустить, он будет становиться всё сильнее вместе с ростом культивации, почти как раздвоение личности или две души в одном теле.

Перед тем как войти в область святого, каждому приходится пройти один важнейший рубеж — разрушение демона. Глава секты Хуаньюнь Му Фаньюань хоть и придумал пилюлю разрушения демона, но материалы для неё настолько редки, что за тысячу, а то и десять тысяч лет, пожалуй, удаётся сварить всего одну. Если же разрушение демона провалится, культиватор сойдёт с ума, меридианы у него разорвёт, и он умрёт.

— У него есть внутренний демон? — потрясённо воскликнул Цзян Тан. — Цзян Чаньюань уже много лет как вошёл в область святого. Как у него может быть внутренний демон? Если не

пройти разрушение демона, как вообще стать святым?

Рука Фу Линцзюня, гладившая его по плечу, замерла.

Потом он тихо усмехнулся:

— Прямые потомки рода Фу из Гуанлина рождаются с Истинным Духовным Пламенем, которое хранит душу в целости.

Сначала Цзян Тан не понял, к чему он это сказал. Но стоило ему прокрутить эту фразу у себя в голове ещё раз, как сердце у него дрогнуло.

Неужели Цзян Чаньюань когда-то сумел войти в область святого тоже потому, что получил какую-то выгоду от рода Фу из Гуанлина?

<http://bllate.org/book/17032/1645094>